

* * *

Юрию Курганскому

И вдовый крик, и детский плач
Легко вплетаются в войну.
Волну накинув, словно плащ,
Ушла подлодка в глубину.

Нас не страшит саргассов лес –
Нет насекомых и зверей.
На флотском флаге – русский крест.
Вперёд ведёт святой Андрей.

Всё перед нами – ад и рай!
Винты в глубинах спрячут след.
А чудотворец Николай
Хранит от мин, торпед, ракет...

Плотна забортная вода.
Внизу опасны рифы дна.
А возвратимся мы тогда,
Когда окончится война.

* * *

Памяти И. Стремякова

Стою среди друзей,
У всех – свои заботы.
Я сам себе – музей,
А экспонаты – фото.

У песен свой мотив,
Но все пред Богом – ровня.
Любой из нас – архив,
Музей или часовня.

И выпьем жизнь до дна,
И ляжем под цветочки.
А Родина одна!
Всего одна. И точка!

* * *

Я повидал немало стран,
Но не влюбился в эти страны.
Я русский, значит, я – Иван,
Для иностранцев мы – Иваны.

Пьём самогон, а не вино
В селе Иваново, не в Каннах.
Так, видно, свыше решено –
Стоит планета на Иванях!

* * *

Двадцатый век. Наш путь – холмы да ямы.
Мечты. Недоуменье на лице.
В начале века разрушали храмы,
А фабрики с заводами – в конце.

Разрушенное всё до основанья
По-новому построить предстоит.
Век двадцать первый. Тупики и грани
Проблем... И тишина надгробных плит.

* * *

От альфы бегут к омеге,
Считая, что взятки гладки.
Хазары и печенег
Страшатся медвежьей хватки.

Не любят буки и веды,
Мечтают содрать три шкуры.
Россия – страна медведей,
И белых, и бурых.

* * *

Что прошло – эпоха или год?
Не понять... И нет нужды в ответе.
Вот и мы – рассеянный народ:
Русских расплескало по планете.

Отроки не слышат Божий глас
На руинах царственной природы.
А Господь рассеивает нас,
Чтоб вокруг взошли благие всходы.

* * *

Чернеют голые поля.
Спят трактора в кюветах.
Декабрь. Нет снега. И земля
Не отражает света.

Дождь. Тишина. И полумрак.
Не выйти из барака.
А поживёшь недельку так –
Завоешь как собака.

* * *

Затоптан предков славный след,
Очернены дела.
Живу в стране, которой нет...
Которая была!

Вплывает, как мираж, она
В спасительные сны.
Услышу я: «Вставай, страна!»,
Проснись – и нет страны.

Возвысим труд, построим храм –
Жизнь верую сильна...
Вернётся в свете славы к нам
Великая страна.

* * *

Колыма. Тени беглых рабов.
Камни. Ключья тюремной одежды.
На крестах телеграфных столбов,
Словно люди, распяты надежды.

Из надежд ни одна не сбылась –
Правоверных земля поглотила.
Здесь кружила нерусская власть
Над землёй, как нечистая сила.

* * *

Краснеет в роце бузина,
В тени берёз – грибная сырость.
Жизнь, и прекрасна, и грустна,
Мне новым возрастом открылась.

Я прогоняю лень и блажь,
Но не бросаю в ближних камни.
Как будто ветками шалаш,
Покрыто небо облаками.

Я, одиночеством согрет,
Не тороплю седую старость.
Люблю небес прохладный свет,
Покой и лёгкую усталость.

Над паутиною дорог
Кричит встревоженно сорока.
Я не спешу – всему свой срок,
Моя судьба – моя дорога.

* * *

Сирень цвела. Луна спала в пруду.
А мне хотелось тёплой темноты.
О юность! Я срывал в твоём саду
Губами поцелуи, как цветы.

Я дожил до морщин и до седины,
Шляп износил немало и папах.
О старость! Я в лесу грущу один.
Холодный привкус клюквы на губах.